

УДК 341.9.01

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.08

Н. В. Власова

Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
natasha.vlasova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-4143>

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА И ФОРМУЛИРОВАНИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Высокая динамика общественных отношений в условиях современных тенденций и вызовов и связанные с ней трансформации правовой реальности актуализируют проблемы эффективности правового регулирования. Целью исследования стало выявление эффективных способов определения права, применимого к частноправовым отношениям с иностранным элементом. Для ее достижения в статье анализируются подходы к решению коллизионного вопроса, учение о нормообразующих факторах, особенности формулирования и реализации принципа автономии воли, вопросы эффективности гибких и жестких коллизионных норм. Делается вывод об обеспечении эффективности определения применимого права и формулирования коллизионных норм посредством расширения сферы и условий применения принципа автономии воли, роста числа гибких коллизионных норм, определенности в установлении их ограничений.

Ключевые слова: международное частное право; коллизионная норма; нормообразующие факторы; локализация правоотношения; закон наиболее тесной связи; закон характерного исполнения; автономия воли; унификация; эффективность.

UDC 341.9.01

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.08

N. V. Vlasova

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
natasha.vlasova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-4143>

PROBLEMS OF EFFECTIVENESS OF DETERMINATION OF APPLICABLE LAW AND FORMULATION OF CONFLICT RULES IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Abstract. The high dynamics of social relations in the context of modern trends and challenges and the transformations of legal reality associated with it actualize the problems

of the effectiveness of legal regulation. The aim of the study was to identify effective ways to determine the law applicable to private law relations with a foreign element. To achieve it, the article analyzes approaches to solving the conflict issue, the doctrine of norm-forming factors, the specifics of formulating and implementing the principle of autonomy of will, questions of the effectiveness of flexible and rigid conflict norms. The conclusion is made about ensuring the effectiveness of determining the applicable law and formulating conflict of rules by expanding the scope and conditions for applying the principle of autonomy of will, increasing the number of flexible conflict of rules, and certainty in establishing their limitations.

Keywords: international private law; conflict rule; normative factors; localization of legal relationship; the law of closest connection; the law of characteristic performance; autonomy of will; unification; efficiency.

Введение

В современных условиях роста динамики общественных отношений под влиянием технологических [6, с. 31–39], эпидемиологических факторов, расширения сфер и спектра применяемых санкционных ограничений [7, с. 7] важной проблемой является создание адекватного правового регулирования, отражающего существующие социально-экономические реалии и прогноз их развития, отвечающего потребностям граждан, общества и государства, соответствующего целям своего установления. В связи с этим одной из важных задач, стоящих перед юридической наукой и практикой, является дальнейшая разработка теории эффективности в праве [2, с. 154–160]. Фрагментация правового пространства в целом [3, с. 27–49] и международного частного права (далее — МЧП) в частности, характеризующаяся в последнем случае наличием достаточно большого числа источников МЧП конвенциональной и негосударственной природы, при этом не всегда складывающихся в определенную систему правового регулирования, имеющих пробелы, в том числе по важным аспектам трансграничных частноправовых отношений, нередко коллидирующих друг с другом либо публичным порядком и сверхимперативными нормами отдельных государств, ставит перед исследователями задачу выявления эффективных способов формулирования коллизионных норм в МЧП, определения права, применимого к трансграничным отношениям граждан и юридических лиц. Распространение санкционных мер в отношении Российской Федерации в последние годы заставляет взглянуть на эту проблему с новых позиций, когда решение коллизионного вопроса напрямую влияет на исполнимость вынесенного судебного решения в зарубежных государствах.

Подходы к решению коллизионного вопроса

При решении вопроса о том, право какого государства подлежит применению к трансграничным частноправовым отношениям (коллизионного вопроса),

может быть использован один из двух выработанных доктриной и практикой МЧП подходов [4, с. 57–66]. Одним из наиболее древних, исторически первых подходов, используемых для решения коллизионного вопроса, является материальный подход, под которым понимается создание новой совокупности материально-правовых норм специально для регулирования трансграничных частноправовых отношений. Он известен еще со времен Древнего Рима, где споры с участием иностранцев рассматривались особым претором, который решал их путем создания норм права, учитывающих потребности развития международного общения и торговли [1, с. 19] (так в последующем сформировалось *jus gentium*). В связи с этим в доктрине МЧП (преимущественно американской, например в лице известного коллизиониста Фридриха К. Юнгера) высказываются предложения о конструировании судом наиболее подходящих материально-правовых норм для регулирования спорного отношения с иностранным элементом на основе норм тех правопорядков, с которыми оно объективно связано. Однако то, что было возможно в древние времена, сложно реализовать в современных условиях развития и усложнения как самих трансграничных общественных отношений, так и их правовой регламентации. Эти идеи не находят отражения в национальном законодательстве о МЧП и не поддерживаются судебной практикой. В современном МЧП рассматриваемый материальный подход к решению коллизионного вопроса выражается в унификации материально-правовых норм [8, с. 19–55], которая осуществляется в форме принятия международных конвенций, имеющих обязательный характер для участвующих государств, а также в форме негосударственных регуляторов, число которых в последние десятилетия возрастает.

Второй подход связан с обращением к коллизионным нормам — нормам особого вида, отличающимся от иных норм в составе системы права (материальных, процессуальных). Их главное предназначение как раз и состоит в ответе на вопрос, каким правом должны регулироваться частноправовые отношения, в которых есть иностранный элемент. Коллизионная норма напрямую не регулирует трансграничных отношений, но отсылает к правопорядку, нормы которого будут применяться судом для их регламентации, причем к правопорядку в целом, а не к отдельным его нормам или правовым актам.

Учение о нормообразующих факторах

При определении наиболее эффективного способа формулирования коллизионных норм подлежат учету так называемые нормообразующие факторы, то есть явления, которые воздействуют на выявление потребности в коллизионном регулировании. Учение о нормообразующих факторах в МЧП, разработанное немецким коллизионистом Г. Кегелем, базируется на теориях юриспруденции интересов Р. Иеринга (вторая половина XIX века) и юриспруденции ценностей (середина XX века). Многообразие нормообразующих факторов

включает: материальные, то есть материально-правовые интересы субъектов частного права, которые зафиксированы в соответствующих материально-правовых нормах; публичные, то есть интересы государства; собственно коллизионные факторы, то есть те, что связаны с особенностями трансграничной природы отношений, регулируемых МЧП.

В числе последних выделяются, в свою очередь, те коллизионные факторы, которые связаны с определенными интересами в сфере коллизионного регулирования: индивидуальными, интересами оборота (любых лиц, которые потенциально могут вступить в трансграничные отношения) и правопорядка (проявления общих принципов системности и определенности правового регулирования [1, с. 58]).

Эффективность служит критерием для разработки и формулирования оптимальной коллизионной нормы с тем, чтобы судебное решение, вынесенное на основе права, определенного в соответствии с этой коллизионной нормой, впоследствии было признано и исполнено на территории другого государства.

Особенности реализации принципа автономии воли в МЧП

В последние годы как в российском, там и в зарубежном законодательстве о МЧП, а также в ряде принятых международных конвенций при решении коллизионного вопроса активную роль играет принцип автономии воли, предполагающий выбор применимого к трансграничным частноправовым отношениям права непосредственно их участниками. Современная тенденция реализации этого принципа заключается в распространении его не только традиционно на сферу договорных обязательств, но и на внедоговорные обязательства.

В российском Гражданском кодексе принцип автономии воли, применяемый в коллизионном регулировании договорных обязательств, сформулирован достаточно широко. Особенности его практической реализации были конкретизированы Пленумом Верховного суда РФ в 2019 году, когда, помимо прочего, был разрешен вопрос о допустимости согласования сторонами трансграничного договора в явной форме в качестве применимого права вненациональных правовых источников. Несмотря на используемую в ГК РФ широкую формулировку данного принципа, возможно его дальнейшее развитие и содержательное наполнение в направлениях:

- распространения на вещные права на движимое имущество;
- распространения на обязательства, возникающие из действий в чужом интересе без поручения;
- допустимости выбора права представителем и третьим лицом во внешних отношениях добровольного представительства [8, с. 403];
- допустимости выбора права сторонами переговорного процесса на любом этапе их взаимодействия и приоритетного применения соглашения о выборе права в преддоговорных отношениях [5, с. 82–97];

- установления возможности согласования сторонами вненациональных регуляторов в качестве права, применимого к их отношениям, основанным не на договоре.

В условиях действия свыше 10 000 введенных в отношении Российской Федерации односторонних экономических ограничений со стороны США, Европейского союза, иных недружественных государств актуальным для российских физических и юридических лиц является уход от применения права недружественных стран и, соответственно, выбор российского либо нейтрального права [7, с. 194].

Эффективность жестких и гибких коллизионных норм

Коллизионные нормы, которые устанавливают алгоритм определения применимого права, могут быть жесткими и гибкими. Первые отсылают к однозначно установленному государственному правопорядку, при этом могут являться односторонними, допуская применение к спорным отношениям только права страны суда и не предполагая возможности определения другого правопорядка. В ГК РФ имеется несколько таких норм, существование которых объясняется необходимостью защиты отечественного публичного порядка (к примеру, нормы п. 3 и 4 ст. 1209 о подчинении формы сделки российскому праву).

В последние десятилетия сохраняется тенденция к установлению в национальном законодательстве о МЧП и закреплению в международных конвенциях гибких коллизионных норм, то есть тех, что отсылают к закону наиболее тесной связи соответствующего отношения с тем или иным правопорядком (к локализации элементов контракта) либо к закону характерного исполнения (к правопорядку той стороны трансграничного отношения, которая осуществляет исполнение, имеющее для этого отношения решающее значение).

Обращение в коллизионных привязках к закону наиболее тесной связи отражено в большом числе конкретных коллизионных норм. Более того, именно наиболее тесная связь лежит в основе правотворческого процесса при формулировании коллизионных привязок к тому или иному правопорядку. Примером может служить коллизионная норма абзаца второго п. 2 ст. 1217.1 ГК РФ, согласно которой отношения добровольного представительства определяются по праву страны представителя как центральной фигуры, взаимодействующей одновременно и с представляемым, и с третьим лицом. При использовании коллизионной привязки собственно к закону наиболее тесной связи «центр тяжести решения коллизионной проблемы смещается с уровня правотворчества на уровень правоприменения» [1, с. 322]. Суд (государственный или третейский) должен в таком случае исходя из всей совокупности обстоятельств дела определить преобладающую территориальную связь различных элементов спорного отношения с правопорядком того или иного государства. Для этого

учитываются место жительства, гражданство, основное место деятельности сторон, место нахождения объекта правоотношения, место исполнения обязательства, язык контракта, выбранный сторонами государственный суд и пр. При этом судом может приниматься во внимание тот факт, что обращение к праву того или иного государства позволит оптимальным образом осуществить общепризнанные принципы частного права.

Наиболее тесная связь имеет подчиненное значение по отношению к конкретным коллизионным привязкам (праву страны суда, праву места жительства стороны, праву места совершения деликта и пр.). При определении применимого права к договору закон наиболее тесной связи выступает в качестве корректирующей оговорки к закону характерного исполнения. Сейчас в ГК РФ последний принцип приобретает определяющее значение, в частности, для договора в отношении недвижимого имущества. При невозможности определить таковое применяется то, с которым отношение наиболее тесно связано.

Коллизионные нормы в разных государствах не являются единообразными, хотя во многих вопросах стремятся к установлению одинаковых подходов (например, в части коллизионного регулирования договорных обязательств), но в других случаях придерживаются разных позиций (например, при определении личного закона физического лица — по праву гражданства или места жительства, юридического лица — по принципу инкорпорации, оседлости либо контроля). Эффективность реализации жестких и гибких коллизионных норм проявляется по-разному. С одной стороны, жесткие коллизионные нормы (в особенности, односторонние), помимо собственно определения применимого права, имеют и такие цели, как защита собственного правопорядка, определенность правового регулирования, которые и достигаются посредством обращения к ним. С другой стороны, гибкие коллизионные нормы предоставляют определенную свободу для сторон, арбитража в установлении связующих факторов, учете всех обстоятельств локализации правоотношения, что отвечает цели определения наиболее тесной связи.

Заключение

Эффективность коллизионной нормы заключается в точном определении применимого права, которое должно:

- отражать связь с искомым частноправовым отношением, то есть представлять наилучшее решение коллизионного вопроса с пространственной точки зрения;
- соответствовать правам и законным интересам сторон данного правоотношения;
- не вступать в противоречие с публичными интересами правопорядков, с которыми это отношение имеет тесную связь. Речь в последнем случае идет о соответствии применимого права сверхимперативным нормам права страны

суда и правопорядка, с которым данное правоотношение тесно связано, а также о соблюдении условий неприменения оговорки о публичном порядке.

Обеспечению эффективности определения применимого права и формулирования коллизионных норм в МЧП способствует последующее расширение сферы и условий применения принципа автономии воли с соблюдением прав и законных интересов субъектов соответствующих отношений, рост числа гибких коллизионных норм, определенность в установлении их ограничений, в частности посредством сверхимперативных норм, оговорки о публичном порядке. В конечном итоге гибкая коллизионная норма, учитывающая все элементы локализации правоотношения в конкретном правопорядке, становится эффективной.

Список источников

1. Асосков А. В. Основы коллизионного права. М.: М-Логос, 2017. 352 с.
2. Залоило М. В. Проблемы обеспечения качества закона // Журнал российского права. 2017. № 1 (241). С. 154–160.
3. Залоило М. В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 27–49.
4. Марышева Н. И., Лазарева Т. П., Власова Н. В. Цивилистическая концепция международного частного права // Журнал российского права. 2015. № 9 (225). С. 57–66.
5. Муратова О. В. Практика рассмотрения преддоговорных споров, возникающих в международном коммерческом обороте // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3 (76). С. 82–97.
6. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 31–39.
7. Право в условиях санкций: монография / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. М.: Проспект, 2023. 464 с.
8. Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. Н. Г. Доронина. М.: ИЗиСП; Юриспруденция, 2023. 2-е изд., перераб. и доп. 669 с.

References

1. Asoskov A. V. Osnovy kollizionnogo prava. M.: M-Logos, 2017. 352 s.
2. Zaloilo M. V. Problemy` obespechenija kachestva zakona // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 1 (241). S. 154–160.
3. Zaloilo M. V. Fragmentacija kak sovremennaja tendencija razvitija pravovogo prostranstva // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly jekonomiki. 2020. № 1. S. 27–49.
4. Marysheva N. I., Lazareva T. P., Vlasova N. V. Civilisticheskaja koncepcija mezhdunarodnogo chastnogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2015. № 9 (225). S. 57–66.
5. Muratova O. V. Praktika rassmotrenija preddogovorny`h sporov, vznikajushhih v mezhdunarodnom kommercheskom oborote // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedenija. 2019. № 3 (76). S. 82–97.
6. Pashencev D. A. Osnovny`e napravlenija i osobennosti razvitija zakonodatel`stva v uslovijah cifrovizacii i perehoda k novomu tehnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2021. № 3 (43). S. 31–39.

7. Pravo v uslovijah sankcij: monografija / pod obshh. red. M. V. Mazhorinoj, B. A. Shahnazarova. M.: Prospekt, 2023. 464 s.

8. Problemy` unifikacii mezhdunarodnogo chastnogo prava: monografija / otv. red. N. G. Doronina. M.: IZiSP ; Jurisprudencija, 2023. 2-e izd., pererab. i dop. 669 s.

Статья поступила в редакцию: 08.02.2023;
одобрена после рецензирования: 20.02.2023;
принята к публикации: 27.02.2023.

The article was submitted: 08.02.2023;
approved after reviewing: 20.02.2023;
accepted for publication: 27.02.2023.